

Монтепен Ксавье де

Виконтесса Жермена

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К86

К86 **Ксавье де М.**
Виконтесса Жермена / Монтепен Ксавье де – М.: Книга по Требованию, 2022. –
404 с.

ISBN 978-5-519-97305-2

ISBN 978-5-519-97305-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Конечно я...

— Неужели, возмнивъ нелѣпую слабость привязаться къ вамъ, я могъ допустить осуществленіе остроумнаго плана, состоящаго въ томъ, чтобы позволить вамъ отправиться на тотъ свѣтъ при помощи скаковой лошади вмѣсто пистолета?

— Неужели вы намѣрены помѣщать мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію?—спросилъ Сан-Рамо.

— Конечно!!—Я нарочно для этого пріѣхалъ.

— Напрасно пріѣхали.

— Это мы увидимъ... Прежде всего, говорите новости... Положение дѣлъ все еще таково, какъ было, когда вы мнѣ писали, не правда ли?—Ваша плачевная физіономія и, главное, ваши нелѣпые отвѣты доказываютъ несомнѣнно...

— Увы!! Ничто не измѣнилось.

— Я такъ и думалъ... Готовъ былъ пари побиться! Годы шли, не принося ни малѣйшаго измѣненія! О, Боже! какъ вы еще юны!—Честное слово, какъ говоритъ Октавъ Гаваръ, я думаю, въ наше время невозможно встрѣтить второй экземпляръ такого юнаго юноши, какъ вы!

— Въ чемъ же вы меня упреждаете?

— Да въ глупостяхъ вашихъ, чортъ возьми! Не сердитесь! Я грубъ, знаю, но такъ надо!.. да, грубъ какъ хирургъ, вносящій желѣзо и огонь въ рану для спасенія больного...

— Не понимаю, право...

— Неужели?... иронически спросилъ баронъ.

— Не понимаю, потому что ничего не сдѣлалъ...

— Да, вы ничего не сдѣлали, и именно это-то и бѣситъ меня, потому что, оставаясь въ statu quo, вы все испортили!.. И испортили бы непоправимо, если бы меня не было.

— Что же я могъ дѣлать?

— Дѣйствовать.

— Какимъ образомъ? Жермена не любить меня...

— Она вамъ сказала это? И если бы даже сказала—это ровно ничего не значило бы!.. Но вѣдь она не сказала?

— Ея равнодушіе очевидно... вѣдь я писалъ вамъ... развѣ вы не помните что я вамъ писалъ?

— Помню... я перечелъ ваше письмо разъ десять, къ большому вреду моимъ нервамъ, которые страшно коробила ваша напивность... Что бы вы думали о полководцѣ, который кричалъ бы о своемъ пораженіи, еще не выдержавъ сраженія?.. Вы малый умный, милѣйшій мой Андрей,—это не подлежитъ сомнѣнію! Позвольте вамъ сказать, однако, что съ самаго вашего приѣзда въ замокъ Грандъ вы вели себя какъ дуракъ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Изъ вашихъ же признаній... Изъ вашего письма... Не станете же вы отрицать доказательствъ, доставленныхъ вами же самими?

— Но что же надобно было дѣлать?

— Противоположное тому, что вы дѣлали... Что бы ни было, но только дѣлать что нибудь, дѣйствовать какъ нибудь. Бездѣйствіе—величайшее изъ золъ! Но будемъ разсматривать вопросы по порядку... Вы писали, что ваши иллюзіи разлетаются, что ваши грезы разсѣиваются, что холодная и печальная дѣйствительность заступаетъ мѣсто маражей, наконецъ, что я васъ обманывалъ и обманывалъ самого себя, утверждая, что вы любимы...

— Увы!!—прошепталъ Сан-Ремо.—Это несомнѣнно... Жермена не любить меня... и никогда не полюбить.

— Доказательство?

— Не одно, а двадцать... ея убійственный пріемъ... холодность... равнодушіе, которое, какъ будто, въ послѣдніе два дня перешло даже въ антипатію...

— Ага, въ антипатію!! Чудесно! Я въ восторгѣ! — И такъ, она какъ будто теритъ васъ не можетъ?..

— Да, какъ будто...

— Браво!!—воскликнулъ баронъ, потирая руки,—браво!!

— Что же вы заключаете изъ всего этого? спросилъ Сан-Ремо.

— Заключаю, милое мое дитя, что Жермена васъ обожаетъ. Андрей вытирашилъ глаза.

— Вы смѣтаетесь надо мной,—пробормоталъ онъ,—и это гад-

ко, потому что вы знаете, какъ я страдаю... Я не переживу своихъ страданій...

— Нѣтъ, переживете! Я никогда въ жизни не говорилъ болѣе серьезно и вполнѣ могу доказать что говорю!.. Выслушайте мои доводы! Во первыхъ, допускаете вы, что мадамъ де-Гранлье безусловно властвуетъ надъ своимъ мужемъ?

Сан-Ремо кивнулъ утвердительно головой.

Баронъ продолжалъ:

— Идя логично дальше, вы должны допустить, что одного слова ея хорошенькихъ губъ было бы достаточно для того, чтобы помѣшать виконту приглашать васъ, или, по крайней мѣрѣ, принимать васъ... Допускаете вы и это?

— Допускаю...

— Этого слова она не произносила, потому что вы гостите въ замкѣ Гранлье... Стало быть она вовсе не гнѣвается на васъ за признаніе, высказанное вами съ большимъ оживленіемъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда вы осыпали ея руки поцѣлуями... Допускаете вы это?

— Допускаю, и это-то именно дѣлаетъ еще болѣе ужасною ея необъяснимую холодность.

— О! милое мое дитя,—эта холодность—признаніе и самое врасноорѣчивое...

— Объяснитесь...

— Слушайте дальше: ваше положеніе относительно виконта Армана, какъ нельзя яснѣе и лучше... Вы заступились за старика съ несравненнымъ великодушіемъ... Вы дрались изъ-за него... чуть не умерли; онъ любитъ васъ, изъ признательности, всѣми силами, видитъ въ васъ сына и лелѣетъ мечту (вы сами писали мнѣ объ этомъ), что между нами и Жерменой родится и вырастетъ братская интимность. Ничто не было бы легче для молоденькой женщины, какъ исполнить желанія мужа и быть для васъ сестрой. Будь ея сердце свободно, она была бы привѣтлива, ласкова, фамиллярна, весела, встрѣчала бы васъ улыбкою и шуткой... и я сказалъ бы тогда: «Вы правы, Андрей, она васъ не любитъ». Но теперь, напротивъ, она съ наивною, равной вашей наивности, маскируется необъяснимою холод-

ностью, неправдоподобною антипатією, надѣясь такимъ образомъ скрыть отъ васъ свои настоящія чувства, и повторю:— Она васъ обожаетъ!

— О! воскликнулъ Сан-Режо, весь просіявъ, — если бы я могъ вамъ повѣрить!

— Не сомнѣвайтесь!... Все это очевидно, и вы сами поняли бы давно, въ чемъ суть, если бы у васъ было хотя немного той опытности, которой у меня слишкомъ много....

— Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же Жермена старается обмануть меня?..

— А! милое мое дитя, какъ видно, что вы никогда еще не имѣли дѣла съ честными женщинами!.. Неужели вы воображали, что она бросится вамъ на шею?.. Она и безъ того много сдѣлала, гораздо больше чѣмъ слѣдовало, когда переступила черезъ порогъ вашей холостой квартиры... Вы умирали—правда, и въ этомъ ея оправданіе... Когда вы ее благодарили за этотъ шагъ (который могъ бы погубить ее), что она вамъ сказала?..

— Неужели вы воображаете, что я рѣшился заговорить съ ней объ этомъ?.. Что съ вами, баронъ! Ни за что въ мірѣ! — Напоминать неосторожное признаніе и жгучіе поцѣлуи, которыми я покрывалъ ея руки... да это было бы безуміемъ!..

— Да, вы страдаете безуміемъ робости, я знаю, когда васъ не прищипориваетъ лихорадка, и вотъ почему вы шли до сихъ поръ такимъ ложнымъ путемъ... Не нужно было колебаться, нужно ловить случай, принимая къ выраженіямъ признательности выраженія раскаянія и, прося прощенія, продолжать вину...

— Жермена прогнала бы меня безъ всякой жалости!...

— Полноте! — Было бы вамъ извѣстно разъ навсегда, женщина прощаетъ дерзость, если дерзкій ей нравится!

— Что за понятія!..

— Чудесныя, потому что вѣрныя!... Жермена, будьте увѣрены, рассчитывала на эту дерзость и приготовилась ее встрѣтить съ большимъ вѣрнымъ негодованіемъ и съ большой

внутренней радостью... Вы молчали и обманули ея ожиданія. Вы вырыли между нею и собой яму, которая съ часу на часъ становится глубже и черезъ которую ни тотъ, ни другой изъ васъ не рѣшается переступить... Еще немного времени—и это окажется вовсе невозможно... Признаніе, такое удобное и легкое въ моментъ пріѣзда, теперь—очень трудная задача для васъ и почти невозможная для нея... И такъ приходится все создавать сначала!! Приходится приводить вещи въ то положеніе, въ которомъ онѣ были, когда вы такъ неумѣло споткнулись и сошли съ почвы уже завоеванной....

— Какимъ образомъ?

— Самое лучшее средство, даже единственное—это поразить воображеніе молодой женщины какой-нибудь смѣлой отчаянной выходкой... затронуть ея душу... потрясти нервы... и вы опять приблизитесь къ психологическому моменту...

— Но какой выходкой?

— Не знаю, надобно придумать... Пойскавъ хорошенько, всегда найдешь, и когда умѣешь помочь случаю....

II.

Бесѣда Сан-Ремо съ его вліятельнымъ прітелемъ продолжалась еще около часа, но мы не считаемъ нужнымъ продолжать стенографировать ее.

Когда они разстались, было условлено, что Круа-Дье, выжидавая событія, проведетъ нѣсколько дней въ желѣзно-дорожной гостинницѣ «Встрѣча», гдѣ Андрей будетъ ежедневно навѣщать его и, въ случаѣ надобности, обращаться къ нему за совѣтомъ.

Блуждая шагомъ по тѣнистой аллеѣ, которая вела отъ станціи къ замку, сынъ Генріетты д'Обривъ ни на минуту не призадумался надъ поразительнымъ и почти невѣроятнымъ участіемъ, которое баронъ принималъ въ его сердечныхъ успѣхахъ....

Почти отеческая привязанность Круа-Дье,—привязанность,

которую Андрей считалъ искренней, въ простотѣ своей души,—какъ будто объясняла ему все.

Очень живая надежда замѣнила въ немъ безусловное уныніе.

Баронъ сказалъ ему: — Жермена васъ любитъ! — и онъ повѣрилъ. Еслибъ баронъ прибавилъ: — Вы будете счастливы! — онъ тоже не усомнился бы...

И потому вечеромъ, за обѣдомъ, на его лицѣ, обыкновенно грустномъ, засвѣтилась такая глубокая радость, что Гранлье поздравила его съ переменною и спросила, улыбаясь, ужъ не получилъ ли онъ извѣстія о красавицѣ подъ густой вуалью, которая приходила проводить его въ первые дни его выздоровленія и о которой ему проболтался Трежанъ.

Глубоко смущенный неожиданностью вопроса, — наши читатели поймутъ почему, — Андрей покраснѣлъ до корней волосъ, тогда какъ Жермена поблѣднѣла до того, что, казалось, ей грозить обморокъ.

Виконтъ поспѣшилъ прибавить:

— Кажется, я позволилъ себѣ нескромную шутку, милое мое дитя?... Если да, то, повѣрьте, мнѣ искренно жаль — и не сердитесь на меня... Никто больше и лучше меня не уважаетъ сердечныхъ тайнъ. Но почему такое странное смущеніе?... Вы въ такихъ лѣтахъ, когда любить можно и... прибавлю... должно... Только для стариковъ любовь — запретный плодъ, такъ какъ они не могутъ разсчитывать на взаимность...

Между тѣмъ Жермена успѣла успокоиться, и когда ея мужъ перевелъ глаза на нее, съ ея лица уже сбѣжали всякіе слѣды полненія, только во все остальное время вечера она была, очень печальна.

Нехотя и можетъ быть безсознательно, она была раздражена.

Съ какой стати онъ такъ веселъ? Зачѣмъ онъ такъ счастливъ, когда она такъ жестоко страдаетъ, борясь со своимъ сердцемъ всѣми силами воли?..

Конечно, оба эти вопроса не формулировались съ такой ясностью въ умѣ мадамъ де-Гранлье, но несомнѣнно певелились въ глубинѣ ея мысли.

Въ этотъ четвергъ окончательно назначили день скачекъ у маркиза Лотрека.

Ихъ отложили до слѣдующаго понедѣльника, и въ тотъ же вечеръ предполагался балъ у Лотрековъ.

Мы знаемъ, что каждое утро Сан-Режо присутствовалъ при *выздкѣ* лошади, на которой намѣревался участвовать въ скачкѣ.

Приготовили изгороди, подвижной барьеръ, вырыли широкий ровъ на дорогѣ, которая, пересѣкая паркъ, спускалась до Луары, и, въ теченіе получаса, Андрей заставлялъ перепрыгивать черезъ эти препятствія достойный отпрыскъ Тюльпана и Птолемея, который обыкновенно довольно добродушно слушался послѣ нѣсколькихъ попытокъ возмущенія, всегда энергически подавляемыхъ.

Гранлье непремѣнно присутствовалъ при этихъ упражненіяхъ, живо его интересовавшихъ, какъ спортсмена и какъ коннозаводчика, но не всегда могъ убѣдить Жермену придти вмѣстѣ съ нимъ и всякій разъ ропталъ при этомъ на непонятное равнодушіе молодой жены къ питомцамъ его конюшенъ.

Въ этотъ день, какъ всегда, послѣ завтрака, англійскій грумъ вывелъ Тонтонна на площадку передъ лѣстницей, которая вела къ террасѣ, полной растеній и цвѣтовъ.

Ливрейный лакей пришелъ въ гостиную доложить Андрею и принесть ему перчатки и хлыстъ.

— Приближается торжественный моментъ,—сказалъ Сан-Режо,—надо непремѣнно одержать побѣду.—Сегодня урокъ будетъ серьезень.

— Вы чудесный наѣздникъ, дитя мое,—и если, въ послѣдній часъ, отвратительный норовъ Тонтонна не состроитъ вамъ каверзы, вы, конечно, пріѣдете первый... Я, не колеблясь, поддержу паря за Тонтонна противъ Шана... хотя у васъ соперники опасные, графъ д'Оверъ съ Бобомъ, графъ де-Бевилль съ Роландомъ, Казеновъ съ *Boute-en-train*... Но все равно, я спокоенъ... Пойдемте взглянуть на пробный галопъ... Ты придешь, Жермена?

— Избавьте меня, другъ мой...—прошептала Жермена;—я предпочитаю пойти къ себѣ...

— Развѣ тебѣ нездоровится?

— Нѣтъ, но я устала... я плохо спала, и у меня немного тяжела голова...

— Пять минутъ на террасѣ, пожалуйста... только пять минутъ... Воздухъ принесетъ тебѣ пользу, я увѣренъ.—Пойдемъ, милое мое дитя...

Жермена не могла не исполнить просьбы мужа и потому взяла его руку и вышла на террасу.

Андрей шелъ за ними.

Англійскій грумъ держалъ подъ устцы Тонтона, который казался не въ духѣ и безъ видимой причины сердился и артачился.

Тонтонъ дѣлалъ честь заводу Гранлье.

Конечно, трудно было бы представить себѣ болѣе изящное животное.

Онъ былъ средняго роста. Маленькая, тонкая и сухая голова, съ подвижными ушами, съ широко раскрытыми ноздрями, сидѣла на длинной и гибкой шеѣ.

Очень большіе и блестящіе глаза, полные лукавства и тревоги, придавали хорошенькой головѣ почти свирѣпый видъ.

Грудь была широкая. Оконечности тонкія, но не слабыя, представляли несомнѣнные признаки необычайной быстроты и первостатейной силы.

Масть, такая темногнѣдая, что казалась черною, пестрѣла только однимъ пятнышкомъ—бѣлой звѣздочкой на лбу.

Шерсть, мягкая какъ шолкъ и переливавшаяся какъ муаръ-антикъ, показывала подвижную сѣть венъ подъ трепещущей кожей боковъ и плечъ.

— Чудесное животное!—вскричалъ восторженно виконтъ.— И какъ пропорціонально! Да... да... онъ заставитъ говорить о себѣ... Неправда ли, Жермена?

— Очень красивъ,—отвѣчала Жермена,—но кажется очень золъ...

— Да, не блещетъ кротостью... Это чортъ, съ позволенія сказать...

— И опасный?

— Для насъ, конечно, дитя мое, но для наѣздника такой силы и ловкости, какъ Андрей, онъ только немножко неудобенъ.

— Стало быть, вы не бентесь никакой случайности?

— Случайности всегда можно бояться.—Рабочая лошадь можетъ заупрямиться и разбить голову неумѣлому возницѣ.. Во избѣжаніе всякихъ опасностей, не надо было бы выходить изъ дома, и то еще нельзя поручиться, чтобы не обрушилась крыша на голову.

Сан-Ремо сошелъ съ лѣстницы и приблизился къ груму.

Грумъ приложилъ руку къ своей шотландской шапкѣ и сказалъ съ очень рѣзкимъ за-ламаншскимъ акцентомъ:

— Маркизу надо остерегаться...

— Почему такъ, Джонъ?

— Тонтона сегодня не въ духѣ... Не знаю что съ нимъ, но посмотрите на его глаза и на уши также... Трудно будетъ справляться съ нимъ...

— Тѣмъ хуже для него...

— Беру смѣлость покорнѣйше просить маркиза быть осторожнѣе... Blue Devil, когда убилъ лорда Станлея, въ Эпсомѣ, имѣлъ такіе же глаза, какіе теперь у Тонтона...

Джонъ былъ правъ. Лошадь была страшна. Она прижимала уши къ шеѣ, и изъ ея большихъ, выпуклыхъ глазъ сверкали зловѣщія искры.

Андрей осмотрѣлъ уздечку, схватился лѣвой рукою за холку и приготовился рюжить ногу въ стремя.

Тонтона, обыкновенно стоявшій почти смирно, когда на него сажались, на этотъ разъ поднялся на дыбы съ такой силой, что приподнялъ съ земли грума, и затѣмъ лягнулъ разъ шесть съ поразительной быстротою и силою.

Въ то же время, обуреваемый лихорадкою независимости, онъ старался вырваться изъ рукъ Джона, который цѣплялся за поводья, повторяя:

— Берегитесь, маркизъ, берегитесь...

— Пускайте! скомандовалъ Андрей.

— Но...

— Говорятъ вамъ: пустите!.. повторилъ Сан-Ремо...

Джонъ повиновался.

Тонтонъ вообразилъ себя на свободѣ, сильно метнулся въ сторону и пересѣкъ площадку съ быстротою молніи.

Но онъ ошибся въ расчетѣ. Сан-Ремо, лѣвой рукой все еще держась за гриву, правою крѣпко ухватился за луну сѣдла.

Въ теченіе секунды казалось, что лошадь его унесетъ или, правильнѣе, уволочить....

Жермена вскрикнула и закрыла глаза руками.

Но Андрей, споровскою, къ которой прибѣгаютъ каждый вечеръ наѣзники цирка, сдѣлавъ прыжокъ, силу котораго удесятерила шальная быстрота бѣга и, не коснувшись поводьевъ, однимъ взмахомъ очутился на сѣдлѣ.

— Браво!—вскрикнулъ Гранлье, рукоплещая ему.—О! Браво!.. Не бойтесь за него, Жермена! Это центавръ!..

Жермена раскрыла глаза какъ разъ во время, чтобы увидѣть короткую, но отчаянную борьбу Сан-Ремо съ разъяренными конемъ.

Не признавая себя побѣжденнымъ, Тонтонъ продолжалъ пылко артачиться, прибѣгая ко всѣмъ уловкамъ чистокровныхъ, раздражительныхъ и упрямыхъ лошадей.

Одуряющіе пируэты, прыжки въ сторону, бѣшеное брыканье, головоломныя вздыманія на дыбы—онъ всего попробовалъ и въ нѣсколько минутъ истощилъ весь свой репертуаръ безъ малѣйшаго успѣха.

Андрей, наэлектризованный присутствіемъ Жермены, все еще, какъ будто слыша ея тревожный крикъ, буквально приросъ къ сѣдлу, и самыя рѣзкія уклоненія не сдвигали его ни на одну черту.

Тонтонъ, понявъ немного поздно, что затѣялъ плохую игру, въ которой могъ рассчитывать только на удары шпорами и хлыстомъ, вдругъ присмирѣлъ и только подъ нажимомъ когѣна всадника понесся стрѣлою вдоль дороги, съ граціозною легкостью птицы передвигаясь черезъ барьеры, изгороди, калитки и въ нѣсколько секундъ достигъ конца парка, повернулъ назадъ, пробѣжалъ опять тотъ же путь, тѣмъ же темпомъ, такъ же легко преодолевая препятствія, и остановился, укрощенный,